

Ք. նարկիզը գրում է, որ 1334 թ. արծաթե կազմը մեղ հայտնի հնագույն հայկական արծաթե կազմն է (էջ 172, ծանոթ. 18): Այստեղ ինչ-որ շփոթություն կա: Բանն այն է, որ պահպանվել են 1254 թ. Ստեփանոս եպիսկոպոսի պատվիրած արծաթե կազմը (Անթիլիաս, Կիլիկիայի կաթողիկոսարանի հավաքածու, № 1)⁴, 1255 թ. Կոստանդին Ա Բարձրբերդցի կաթողիկոսի հրամանով պատրաստված կազմը (Մաշտոցի անվ. Մատենադարան, ձեռ. № 7690) և 1256 թ. Կոստանդին կաթողիկոսի պատվիրած ու Թորոս Ռոսլինի ծաղկած ձեռագրի (Ստամբուլ, հայկական պատրիարքարան) կազմից մնացած խաչը պատկերներով: Իր կատալոգի մեջ Մ. Սթոնը իրավացիորեն նշում է, որ

1334 թ. կազմը նրուաղեմի պատրիարքարանի հնագույն մետաղե կազմն է:

Այս գրքով փաստորեն մեր առջև բացվում է գեղարվեստական սրանչելիքներով հարուստ մի աշխարհ, վերականգնվում են հայ ստեղծագործ մտքի ժամանակագրական շղթայի բազմաթիվ անհայտ օղակներ, հնարավորություն է ընձեռվում հիանալու մայր երկրից դուրս գտնվող մշակութային հարստությամբ: Ակնհայտ է, որ միայն այսօրինակ հավաքածուներին վերաբերող աշխատություններով կարող է լրացվել հայ արվեստի պատմության ամբողջական պատկերը:

Լ. Բ. ՉՈՒԳԱՍՉՅԱՆ

М. У. ХАМОЯН, *Курдско-русский фразеологический словарь*, Изд-во АН АрмССР, Ереван, 1979

Выход в свет курдско-русского словаря М. У. Хамояна, первого курдского фразеологического словаря, безусловно является важным событием в советском курдоведении и—шире—в советской иранистике. Вместе с тем он вносит некоторые важные новые моменты в теорию и практику советской фразеографии в целом. Значение этого словаря определяется той исключительно важной ролью, которую фразеология играет в системе развивающихся национальных языков, являясь одним из необходимых, существенных средств выражения мысли. Не случайно фразеология как раздел языкознания играет такую важную роль в современной языковедческой науке и разработке ее проблем посвящаются многочисленные форумы ученых (напр., конференции и симпозиумы в Туле, Ростове-на-Дону, Новгороде, Самарканде). Эти проблемы связаны с исследованием фразеологии и вширь и вглубь: углублением фразеологической тематики, с одной стороны,

и привлечением нового языкового материала.—с другой.

Самый размах исследовательской деятельности в области фразеологии требует развития и усовершенствования фразеографии, охвата фразеологическими словарями более широкого круга многочисленных национальных языков Советского Союза, в том числе младописьменных и развивающихся. За последние годы появился ряд фразеологических словарей национальных языков, но они далеко не удовлетворяют потребностей фразеологии в такого рода трудах. Значительное число языков еще не охвачено фразеологическими словарями, во-первых, а некоторые вышедшие до сих пор в свет словари не отвечают высоким требованиям научности, во-вторых; они нередко не строятся на теоретической основе современных достижений фразеологической науки.

В области иранистики пока еще, к сожалению, сделано в этом отношении очень мало. Здесь вышел в свет только таджикский фразеологический словарь Фазылова, кроме того, значительный фразеологический материал заключает в себе персидско-русский словарь под редакцией Ю. А. Рубинчика. Однако словарь Фазылова—первый в таджикской фразеографии—является одноязычным словарем и, вместе с тем, он не дает еще достаточно полного представления о фразеологии таджикского языка как особой системе.

«II Международный симпозиум по грузинскому искусству», Тбилиси, 1977, էջ 5; նույնի՝ Армянская миниатюра XI в., М., 1979, էջ 288, ծան. 49:

4 Գ. Հ ո Վ Ն ի յ ա ն, Բարձրաբերդի ավետարանի ոսկերչական կազմը. «Պատմություն և արվեստ», 1951, էջ 250—255; Ա. Յ. Каковкин, Памятники художественного серебра Киликийской Армении. «Пատմա-արվեստական հանդես», 1975, № 2, էջ 193—200:

В этом отношении словарь Хамояна должен быть выделен особо. Его структура и организация, принципы подачи материала основаны на тех научных положениях, которые сложились в теоретических исследованиях по фразеологии разносистемных языков и установившихся лучших традициях и принципах фразеографии. Известно, что некоторые основные вопросы теории фразеологии, такие, как определение сущности и статуса фразеологической единицы и вытекающего из него понимания объема фразеологического фонда, до сих пор еще не получили однозначного разрешения. Это привело автора к необходимости выдвижения своей точки зрения на основные сущностные признаки фразеологических единиц, на логико-психологические процессы, лежащие в основе их формирования как феноменов языка, отражающих особенности познавательной деятельности человека.

В качестве такой теоретико-познавательной основы автор выдвигает назначение фразеологической единицы, в основе которого лежит, в свою очередь, потребность познавательной деятельности человека в создании различных дифференцированных лингвистических образований. Такое назначение, присущее фразеологической единице в отличие от других единиц, относящихся к разным языковым уровням, справедливо усматривается в том, что они призваны служить «характеризующими обозначениями...» (стр. 17). Именно этот главный теоретический принцип и определяет дальнейшее привлечение фразеологического материала, его отбор и организацию.

Словарь достаточно последовательно отражает этот принятый автором исходный принцип подхода к сущности и статусу фразеологической единицы: он отражает его в самом отборе конкретных фразеологических единиц, в их отграничении от других феноменов языка.

Самый материал словаря требует особой характеристики. Он почерпнут прежде всего из личных записей автора—носителя курдского языка—многочисленных текстов, фрагментов живой разговорной речи и фольклорных произведений, записанных в различных курдских деревнях Армянской ССР. Данный материал дает полное и яр-

кое представление о народной курдской фразеологии, ее большом семантико-тематическом разнообразии и богатстве. Это еще раз подтверждает справедливость той высокой оценки, которую дал в свое время выдающийся советский ученый Н. Я. Марр курдскому фольклору, в особенности жанру романтического эпоса, его художественно-изобразительным средствам, его языку (фразеологии здесь принадлежит чрезвычайно важное место). Использованы и произведения современной художественной литературы на курдском языке, однако автор правильно отмечает, что «собственно литературных фразеологизмов очень мало» (предисловие). Это объясняется тем, что курдский литературный язык находится еще в процессе становления и трудно поэтому говорить о традиционно узуальных фразеологических единицах книжно-литературного характера; курдские писатели достигают наибольших художественно-стилистических удач там, где они вводят собственно фольклорные фразеологизмы.

Фразеология, представленная в словаре, хорошо аранжирована и раскрывается как система в сложных и тонких внутренних связях и переплетениях отдельных звеньев этой системы. Широко показана полисемия фразеологических единиц, синонимия, которая непосредственно включается в словарную статью и безусловно обогащает представление о каждой такой единице, как и некоторые антонимичные основным приводимым единицам сочетания, тоже получившие здесь фиксацию. Заслуживает особого внимания раскрытие внутренней формы фразеологических единиц через буквальный перевод, что особенно важно для будущих исследователей курдской фразеологии, в особенности тех, для кого курдский язык не является родным. Буквальный перевод «оживляет» фразеологическую единицу изнутри, позволяет понять ее смысловое строение, связь компонентов, мотивирует общее значение такой единицы.

Словарь Хамояна—курдско-русский и следует сказать, что русская часть—не просто перевод соответствующих единиц курдского языка, но тщательно подобранные соответствия: собственно фразеологические единицы—эквиваленты; близкие по смыслу фразеологические единицы; устойчивые обороты и описательные выраже-

ния. Разумеется, такая пропорциональная соотношенность частей (курдской и русской) обогащает словарь.

В связи с дальнейшим обсуждением словаря наши фразеологи несомненно затронут и другие важные вопросы, связанные с особенностями его структуры, принципами подачи фразеологических единиц в словарной статье, порядком расположения вариантов фразеологизмов и рядом других. В рамках рецензии не представляется возможным на этом остановиться. Заметим лишь следующее. Курдский язык отличается большим богатством и разнообразием формул разговорной речи, которые сравнительно мало представлены не только в западноевропейских и славянских, но и в некоторых других иранских языках (напр., в персидском, таджикском). Следовало бы в соответствующих словарных статьях давать пометы: формула пожелания, проклятия, междометная формула и т. п., чтобы как-то выделить этот важный слой разговорной фразеологии и обратить на него внимание читателя. В предисловии (стр. 5) выделяются некоторые особенности курдской фразеологии: способность обнаруживать активный и пассивный запасы фразеологии, наличие в ней общекурдских

и диалектных фразеологизмов и др. Перечисленные признаки могут быть отнесены к фразеологии большинства языков вообще. Богатство и разнообразие курдской фразеологии скорее характеризуется особой специфической дифференциацией формул разговорной речи, фразеологизированных реплик диалога; повышенной экспрессией и высокой выразительностью фразеологии сферы душевных переживаний и состояний в ее синонимии и вариантности, получивших широкое отражение в самом словаре.

Словарь Хамояна будет встречен с большим интересом и признательностью всеми советскими и зарубежными курдоведом и иранистами, а также всеми владеющими курдским языком. Для многих читателей и переводчиков курдской литературы он станет настольной книгой по фразеологии. Особо хочется отметить внимание и помощь со стороны АН АрмССР, взявшей на себя труд издать этот нужный и ценный фразеологический словарь.

Проф. Х. Б. БЕРДНЯРОВ, проф. Б. Н. ВАЛИХОДЖАЕВ, И. В. АБРАМЕЦ (Самарканд)